

Валерий БАЙНЕВ,
доктор экономических
наук, профессор

Переход к постиндустриальной, основанной на интеллекте и знаниях, инновационной экономике надолго определил характер мирового развития. Согласно опыту технологически развитых держав и успешно догоняющих их стран, сегодня около 2/3 прироста важнейших макроэкономических показателей обеспечивается за счет практического использования интенсивных наукоемких факторов производства.

Подсчитано, что на рубеже веков страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), прежде всего «Большая семерка», сконцентрировали под своим влиянием до 90 % мирового научно-технического потенциала и контролируют не менее 80 % глобального рынка высоких технологий объемом в 2,5–3 трлн. долларов. В частности, высокотехнологичная продукция в товарном экспорте США составляет более 32 %, Великобритании – 31, Японии – 26, Франции – 23 %. Прибыль, получаемая глобальными лидерами от реализации наукоемкой продукции, колоссальна: ежегодный экспорт соответствующих товаров и услуг приносит США более 700 млрд. долларов, Германии – 530 млрд., Японии – 400 млрд. долларов.

Прогнозируется, что к 2015–2020 годам объем продаж продукции высоких технологий возрастет до 4 трлн. долларов и именно за этот наиболее перспективный и быстро растущий сегмент мирового рынка идет самая жесткая конкуренция. Наряду с развитыми странами в указанную борьбу активно включилось и несколько так называемых новых индустриальных стран – Китай, Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Индия. В частности, социалистический Китай за последнее десятилетие прошлого века смог увеличить производство наукоемкой продукции в 27 раз, причем на фоне общего роста ВВП ее доля в нем возросла с 8,1 до 35,4 %. Ежегодно наращивая поставки за рубеж высокотехнологичных товаров на 15–20 %, эта страна подняла объем их экспорта в 31 раз, снизив сырьевую долю в нем в четыре раза. Сегодня суммарный удельный вес на мировом рынке наукоемкой продукции новых индустриальных

стран, демонстрирующих догоняющее развитие, оценивается в 15 %.

Таким образом, становится очевидным, что в нынешних условиях беспрецедентного обострения межгосударственного соперничества за ограниченные и быстро расходуемые природные ресурсы инновационный тип развития является уже не только фактором глобальной конкурентоспособности, но и условием сохранения экономического, а значит, и политического суверенитета любой страны. Учитывая это, Глава государства А.Г. Лукашенко в своем Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь в апреле 2007 года отмечал: «Путь у нас только один – ускоренный переход к экономике инновационной, наукоемкой, ресурсосберегающей, конкурентоспособной на мировом рынке, поэтому приоритетом нынешней политики определено формирование «экономики знаний».

Для его реализации в Беларуси сложились все необходимые предпосылки. Так, по подсчетам специалистов, доля нашей страны в мировом ВВП стабильно растет с 0,1 % в 1995 до 1,36 % в 2007 году, а белорусский экспорт товаров и услуг в период с 1993 по 2007 год увеличился в 13 раз – с 2 до 26 млрд. долларов [1, с. 24–25]. Беларусь, как мы уже писали на страницах журнала [2], демонстрирует уверенный экономический рост, характерный для большинства современных индустриально развитых стран. Так, объем промышленного производства у нас превышен в 1,8 раза, причем в обрабатывающих отраслях промышленности, развитие которых определяет место в иерархии технологически развитых держав, этот прирост еще больше – 2,5 раза. В этом

проявляется принципиальное отличие Беларуси от некоторых наших соседей, механически увеличивающих ВВП за счет, например, активной распродажи содержимого земных недр.

Сопоставление с другими странами бывшего СССР наиболее рельефно подтверждает данное положение. К примеру, используя данные таблицы 1, несложно подсчитать, что на одного среднестатистического белоруса приходится пахотных земель в 1,5 раза меньше, чем на россиянина, а по лесным богатствам указанный разрыв еще больше – 6,5 раз. Гораздо более существенны различия по другим видам экономически значимых природных ресурсов. По количеству собственной нефти, приходящейся на одного жителя, мы уступаем своим восточным соседям (с учетом конденсата) в 21,6 раза, железной руды – в 95,4, угля – в 107,7 раза, а по природному газу отставание вообще не поддается оценке из-за его масштабности. В конечном счете по уровню обеспеченности природными ресурсами среднестатистический россиянин оказывается в 70 с лишним раз богаче своего белорусского коллеги, в то время как уровень их жизни примерно одинаков. В частности, Республика Беларусь, даже несмотря на беспрецедентное давление извне и острейший дефицит собственных природных ресурсов по сравнению с подавляющим большинством стран и регионов мира (см. табл. 1), в

2006 году занимала 64 место в мире по интегральному индексу человеческого развития. В то время как несравнимо более благополучная по наблюдаемым параметрам Россия – лишь 67-е [1, с. 24]. Помимо всего прочего это наводит на мысль еще и о том, что качество высшего менеджмента в «нерыночной» Беларуси примерно в те же 70 раз выше, чем в рыночно-капиталистической России...

Перечисленные успехи белорусской национальной экономики позволили отечественным и зарубежным ученым констатировать, что «к настоящему моменту в Республике Беларусь успешно завершился восстановительный этап развития национальной экономики, связанный с преодолением системного кризиса начала 90-х годов и выходом на начальную стадию траектории расширенного воспроизводства» [4, с. 62].

Сказанное подразумевает *кратное повышение производительности труда в народном хозяйстве и прежде всего в сфере материального, главным образом промышленного, производства, которое должно стать основным приоритетом экономического развития*. Ведь именно трудосбережение, экономия труда, повышение его производительности – это смысл, экономическое предназначение и магистральное направление НТП, главная цель интенсификации производства на основе внедрения достижений науки и техники, а значит, критерий всей инновационной

БАЙНЕВ

Валерий Федорович.

Родился в 1966 году.

В 1992 году окончил Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск, Россия). В 1995 году в Нижегородском государственном техническом университете защитил кандидатскую диссертацию, посвященную решению проблем управления электротехническими комплексами и системами. С 1998 года обучался в докторантуре Санкт-Петербургского государственного университета, по окончании которой в 2000 году защитил докторскую диссертацию, связанную с решением экономических проблем научно-технического прогресса в электроэнергетике. С 2001 года проживает в Минске.

Профессор кафедры менеджмента экономического факультета БГУ. Является научным руководителем НИР, входящей в государственную комплексную программу научных исследований «Экономика и общество» (2006–2010 годы). Возглавляет редакционную коллегию журнала «Новая экономика» (г. Минск). Автор и соавтор более 150 научных и учебно-методических работ.

Таблица 1. Запасы основных видов природных ресурсов в некоторых странах и регионах мира в расчете на душу населения

Страна, регион	Нефть с учетом конденсата, т	Природный газ, тыс. м ³	Железная руда, т	Уголь, т	Пашня, га	Пресная вода, тыс. м ³	Лес, га
Беларусь	6,55	-	14,30	3,60	0,56	33,80	0,94
Россия	141,58	32,20	1364,50	388,70	0,86	28,00	6,11
Европа	4,06	1,80	86,40	52,00	0,29	4,90	0,23
Азия	27,09	17,00	131,30	8,50	0,13	3,70	0,10
Африка	13,17	11,90	167,30	28,30	0,22	4,80	0,55
Северная Америка	34,16	28,00	1724,80	94,20	0,65	14,60	1,31
Южная и Центральная Америка	26,80	13,00	49,60	42,00	1,18	40,70	2,98
Австралия и Океания	19,00	20,90	1393,30	624,70	2,26	30,83	2,23
В среднем в мире	26,10	23,50	244,60	36,10	0,24	7,42	0,96

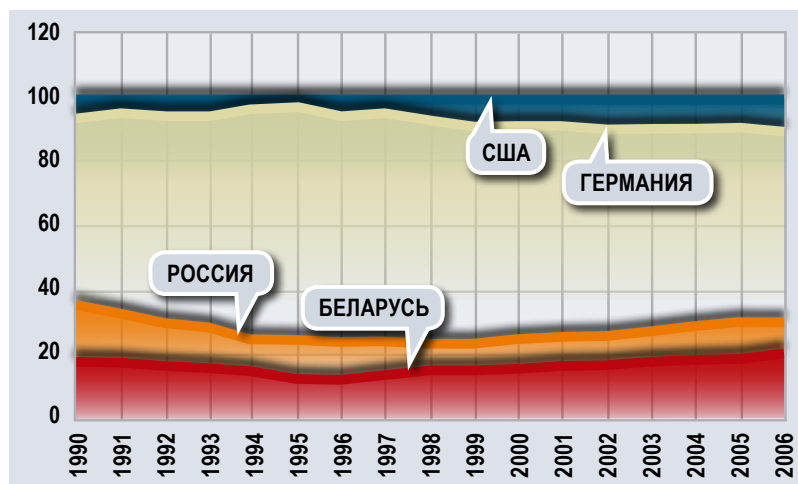
Источник: [3, с. 18].

деятельности и перехода к интеллектуальной, основанной на знаниях, инновационной экономике [5, с. 75–79].

Со сравнения и сопоставления уровней производительности труда начинается каждый макроэкономический обзор как ЕС, так и ОЭСР. Только по линии ОЭСР посвященная анализу данного показателя тематика исследований, статистических и аналитических работ, официальных методик, рекомендаций, отчетов и записок насчитывает сейчас свыше 1,5 млн. наименований и стремительно расширяется из года в год [6, с. 6]. По мнению президента Федерального резервного банка США М. Москоу, именно опережающий рост производительности труда является ключевым в конкурентоспособности американских производителей. Представитель Всемирного банка И. Голдберг считает, что в настоящее время лишь половина экономического роста технологически развитых стран объясняется инвестициями в основные фонды предприятий, вторая половина определяется данным фактором.

Не случайно именно с того времени, когда показатель производительности труда был исключен реформаторами 60-х годов из перечня статистически учитываемых показателей, в СССР началось его методичное снижение от достигнутого в 60-х годах максимального уровня 60 % соответствующего показателя США до нынешних 20–30 % (рис. 1). Как раз этот период связан с нарастанием застойных

Рисунок 1. Динамика производительности труда в некоторых странах мира, % (по народному хозяйству в целом, США = 100 %)

явлений в экономике СССР, закончившихся его разрушением. Как видно из наших расчетов, представленных на рисунке 1, весьма негативное влияние на анализируемый параметр оказало рыночно-капиталистическое реформирование 90-х годов. Позитивный перелом в его динамике в Беларуси обозначил себя после 1995 года, а в России – после 1999 года, по мере перехода к принципам управления экономикой, связанным со всесторонним укреплением роли государства.

Непредвзятые российские ученые так подвели итог либерального рыночно-капиталистического эксперимента по рецептам вашигтонского консенсуса: «...общей исторический закон неопровержим и убеждает: *уровень развития всякого общества определяется исключительно лишь уровнем достигнутой производительности труда... Приобщение к высотам цивилизации без подъема к высотам производительности общественного труда заведомо исключено...*» [6, с. 6]. И закономерно, что начиная с 2008 года после полувекового пренебрежения критерием производительности труда, долгосрочная стратегия развития Российской Федерации впервые предусматривает не просто механическое наращивание количественного показателя ВВП, но и совершенствование качественных характеристик экономического роста, связанное с *четырёхкратным увеличением производительности труда на период до 2020 года* [6, с. 3].

Однако, по нашим расчетам, пока анализ производительности труда в отраслевом разрезе (рис. 2) свидетельствует о кратном отставании России и Беларуси в этом плане от стран мировой экономической элиты, причем у нас оно в таких исключительно важных сферах материального производства и производственных услуг, как сельское хозяйство и промышленность, транспорт и связь, даже сильнее, чем по народному хозяйству в целом, что недопустимо для страны, претендующей на инновационность пути развития. Решение задачи кардинального повышения общественной производительности труда в странах Союзного государства, ЕвразЭС и СНГ требует действенного общегосударственного планирования данного параметра и предполагает учет современных принципов экономического развития. Среди них

прежде всего следует назвать *всемерную реализацию интеграционного (системного, синергетического, кооперационного) эффекта* через создание исключительно благоприятных условий для развития отечественных крупных и сверхкрупных вертикально-интегрированных предприятий, объединяющих под своим контролем весь производственный цикл, начиная со сферы НИР и НИОКР, добычи сырья и его переработки и заканчивая организованным сбытом и обслуживанием произведенной продукции. Только такие сверхкрупные, построенные по принципу западных транснациональных корпораций (ТНК), государственные и государственно-корпоративные структуры, а отнюдь не произвольно объявленные «инновационными локомотивами экономики» малые и средние предприятия способны обеспечить конкурентоспособность страны в жестких условиях глобализации. Из 100 крупнейших субъектов хозяйствования мира – стран и компаний – не менее 29 являются крупными западными фирмами наряду с такими мощными экономическими системами, как национальные экономики США, Японии, Германии, Китая и так далее. В самих Штатах на долю 100 крупнейших американских корпораций приходится около 60 % производимого ВВП, 45 % используемых в стране трудовых ресурсов, более 60 % осуществляемых инвестиций, 50 % экспортно-импортных операций. Колоссальные размеры и масштабы деятельности западных мегафирм впечатляют, ибо, скажем, каждая из 200 крупнейших американских компаний имеет в своем составе предприятия не менее 20 отраслей, причем 39 таких компаний действуют в 30, а 9 – в 50 отраслях производства. Объем продаж не самой крупной американской ТНК «General Motors» превышает суммарный ВВП таких стран, как Австрия, Швеция и Швейцария, а компания «Еххон Mobil» в 2005 году продала продукции на 347 млрд. долларов, что более чем в 12 раз превысило ВВП, к примеру, Беларуси. В сложившейся ситуации всерьез рассуждать о рынке, конкуренции, преимуществах малого и среднего бизнеса и тому подобного могут либо совсем уж наивные люди либо лица, тем или иным способом заинтересованные

Рисунок 2. Производительность труда в некоторых странах мира по сферам деятельности в 2006 году, % (США = 100 %)

Обозначения по оси абсцисс: 1 – народное хозяйство в целом; 2 – сельское и лесное хозяйство, рыболовство и охота; 3 – промышленность; 4 – строительство; 5 – транспорт и связь; 6 – торговля, гостиницы и рестораны; 7 – финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом; 8 – образование, здравоохранение, социальные услуги; 9 – прочие услуги.

в подчинении национальных экономик развивающихся стран тем самым ТНК. По большому счету, сегодня речь должна идти о *возврате к государственному капитализму* [6, с. 21], подразумевающему наличие в качестве «станового хребта» национальной экономики комплекса отечественных сверхкрупных вертикально-интегрированных государственных и государственно-корпоративных структур, действующих под всесторонним патронажем правительства, обслуживание которых может быть доверено множеству средних и малых предприятий. Для Беларуси с ее единым народнохозяйственным комплексом указанное требование эквивалентно дальнейшему повышению эффективности государственного управления.

Не меньшее значение имеет *упор на опережающее развитие и кратный рост производительности труда в сфере производственных услуг и реальном секторе экономики и прежде всего промышленности, ее высокотехнологичных и наукоемких секторах*, являющихся локомотивами и катализаторами технико-технологических инноваций во всех прочих отраслях. При этом банковско-финансовая, страховая, консалтинговая,

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалев, М.М. Код развития / М.М. Ковалев // *Беларуская думка*. – 2008. – № 4.
2. Байнев, В.Ф. Испытание экономической модели / В.Ф. Байнев, Е.А. Дадеркина // *Беларуская думка*. – 2008. – № 1.
3. Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы VII Междунар. науч. конф., Минск, 19–20 окт. 2006 г.; в 4 т. / редкол.: С.С. Полоник [и др.]. – Минск: НИЭИ Мин-ва экономики Респ. Беларусь, 2007. – Т. 1.
4. Ельмеев, В.Я. Эволюция приоритетов / В.Я. Ельмеев // *Беларуская думка*. – 2008. – № 4.
5. Байнев, В.Ф. Научно-технический прогресс и устойчивое развитие: теория и практика полезностной оценки эффективности новой техники / В.Ф. Байнев, Е.А. Дадеркина; под общ. ред. В.Ф. Байнева. – Минск: Право и экономика, 2008.
6. Губанов, С. Новая целевая задача и условия ее решения / С. Губанов // *Экономист*. – 2008. – № 3.
7. Ленчук, Е.Б. Россия – Беларусь: инновационная политика и интеграционное взаимодействие: монография / Е.Б. Ленчук [и др.]. – М.: Ин-т экономики РАН, 2006.
8. Ельмеев, В.Я. Социальная экономия труда: основы общей политической экономики / В.Я. Ельмеев. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.

торгово-посредническая, рекламная и тому подобные сферы должны рассматриваться в качестве подчиненных видов деятельности, призванных обслуживать интересы высокотехнологичных предприятий, но отнюдь не «выкачивать» из них добавленную стоимость, как это имеет место в пресловутой «рыночной экономике услуг» [4, с. 63–64].

Очень важна *разработка и активная реализация не просто инновационной, а инновационно-промышленной политики*, предусматривающей комплекс мер по инвестированию государственных ресурсов в создание новых и технико-технологическую модернизацию действующих промышленных предприятий через доведение нормы накопления до 35 % и более, активации механизма амортизации, а также по предоставлению исключительных налоговых и кредитных льгот субъектам инновационной деятельности, доведению доли автоматизированных рабочих мест в промышленности до 50 % и выше и так далее [7].

Необходимо *устранить искусственно созданные отклонения параметров функционирования монетарной, кредитно-денежной, бюджетно-налоговой систем стран бывшего СССР от общепринятых в цивилизованном мире значений*, которые (отклонения) сегодня являются главным препятствием для инновационного развития. Имеется в виду скоординированное, целенаправленное доведение до 60 % и более коэффициента монетизации национальной экономики и курса национальной валюты до уровня ППС, введение контроля за целевым расходованием валютных ресурсов преимущественно на нужды технико-технологической модернизации производства, а также отказ от порочной практики планирования и исполнения государственного бюджета с огромным профицитом, инвестирования огромных ресурсов в экономику развитых стран, поддержания курса иностранных валют путем продажи сырья за доллары и евро и тому подобное [7, с. 70–115].

Не обойтись и без *существенного повышения доли заработной платы в ВВП стран Союзного государства, ЕврАзЭС и СНГ до 60 %*, ибо высокопроизводительным может быть только высокооплачиваемый труд [1, с. 25].

При этом решающее место отводится совершенствованию мотивации и стимулирования труда, в том числе путем внедрения почасовой, жестко привязанной к уровню производительности труда системы его оплаты [6, с. 17].

Кроме того, давно пора сменить *научно-образовательную экономическую парадигму* путем отказа от навязываемой Западом разрушительной, колониальной, либеральной рыночно-конкурентной модели развития, нацеливающей реформирующиеся страны на рыночную дезинтеграцию их национальных экономик и потерю синергетического (интеграционного, системного, кооперационного) эффекта, а значит, глобальной конкурентоспособности [2, с. 44–45; 4, с. 65; 6, с. 11]. Нынешний глобальный финансовый кризис, принудивший многие рыночные страны, включая ультралиберальные США и Великобританию, прибегнуть к беспрецедентным мерам по усилению государственного регулирования экономики вплоть до национализации частных предприятий и банков, воочию доказал несостоятельность либерально-рыночной, ориентированной исключительно на максимальную прибыль доктрины развития. Вместо нее должна быть принята новая система научных экономических знаний, ставящая во главу угла *не норму прибыли для избранных, а норму свободного времени для общества в целом*, то есть трудосбережение, экономии труда, а значит, повышение его производительности. Следует признать, что наиболее полно соответствует указанному требованиям активно развиваемая рядом российских и белорусских ученых потребительно-стоимостная концепция экономической теории (В. Ельмеев и другие), оценивающая полезность экономических благ экономией живого труда, достигаемой при их использовании [5, 8].

Не подлежит сомнению, что *реализация колоссального синергетического эффекта от межгосударственной интеграции* и скоординированного выполнения перечисленных выше задач в рамках СНГ, ЕврАзЭС и прежде всего Союзного государства на сегодня является главным фактором выживания и устойчивого развития нашей великой восточнославянской цивилизации. ■